

Василий Верещагин

Дунай

Василий Верещагин

Дунай

«Public Domain»

1899

Верещагин В. В.

Дунай / В. В. Верещагин — «Public Domain», 1899

«...Отряд Скобелева-отца состоял из полка донцов и полка кубанцев в одной бригаде, полка владикавказцев и осетин с ингушами в другой. Первою бригадою командовал полковник Тутолмин, неглупый, добрый человек, большой говорун; второю – полковник Вульферт, Георгиевский кавалер за Ташкент, куда он первый вступил при штурме. Насколько Т. любил говорить речи, настолько В. любил молчать...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Василий Верещагин

Дунай

1877¹

Добрый генерал Галл представил меня гг. Непокойчицкому, Левицкому и др., а также, к большому моему удивлению, молодому генералу Скобелеву². «Я знал в Туркестане Скобелева³», – говорю ему. «Это я и есть!» – «Вы! Может ли быть, как вы постарели; мы ведь старые знакомые». Скобелев порядочно изменился, возмужал, принял генеральскую осанку и отчасти генеральскую речь, которую, впрочем, скоро переменял в разговоре со мною на искренний дружеский тон.

Он только что приехал. Над его двумя Георгиевскими крестами, полученными в Туркестане, посмеивались и говорили, что «он еще должен заслужить их». Я хорошо помню, что эта последняя фраза понравилась и повторялась, так же как и высказанная одним молодцом уверенность, что «этому мальчишке нельзя доверить и роты солдат».

Узнавши, что я пойду вперед вместе с отцом его, М. Д. просил ему передать о скором своем приезде, – он был назначен начальником штаба к отцу своему, Дмитрию Ивановичу Скобелеву, командовавшему передовую казачью дивизию.

* * *

Отряд Скобелева-отца состоял из полка донцов и полка кубанцев в одной бригаде, полка владикавказцев и осетин с ингушами в другой. Первою бригадою командовал полковник Тутолмин, неглупый, добрый человек, большой говорун; второю – полковник Вульферт, Георгиевский кавалер за Ташкент, куда он первый вступил при штурме. Насколько Т. любил говорить речи, настолько В. любил молчать.

Полковыми командирами были: у донцов Денис Орлов, живой и симпатичный, хороший товарищ; у кубанцев Кухаренко, сын известного на Кавказе генерала, сам имевший вид бравого кавказца, оказавшийся впоследствии болезненным. Владикавказцами командовал полковник Левис, полурусский, полушвед, толстый, красный, добродушный и brave, словом, претипичный воин. Полковой командир ингушей и осетин – русский фигуροю и фамилиею, кажется, Панкратьев.

Я помещался обыкновенно в хате со стариком Скобелевым. У него была таратайка и пара лошадей, на которой мы выезжали утром по выступлении войск. Догнавши отряд, Скобелев надевал огромную форменную папаху, садился на лошадь, объезжал полки, здоровался с офицерами и казаками и затем опять садился в таратайку, причем папаху отправлялась под сиденье, а на смену ее вытаскивалась красная конвойная фуражка. Д. И. командовал несколько лет тому назад конвоем его величества и носил конвойную форму. Когда мы подъезжали к деревням, он не забывал откидывать борты пальто и открывать свою нарядную черкеску, обшитую широкими серебряными галунами. Румыны везде дивовались на

¹ Дунай. 1877. – Верещагин хлопотал о причислении к главному штабу русских войск на Балканах с 1876 г. В 1877 г. он отправился на Дунай, по которому в это время проходила линия фронта. На берегу Дуная в г. Журжеве находилась дивизия Д. И. Скобелева.

² ...молодой генерал Скобелев – М. Д. Скобелев.

³ «Я знал в Туркестане Скобелева». – Верещагин участвовал в Туркестанской кампании, где и познакомился с М. Д. Скобелевым.

статного, характерного генерала. Я помню, что во время осмотра казаков главнокомандующим в Галаце Скобелев-отец поразил меня своею фигурою: красивый, с большими голубыми глазами, окладистою рыжею бородою, он сидел на маленьком казацком коне, к которому казался приросшим.

* * *

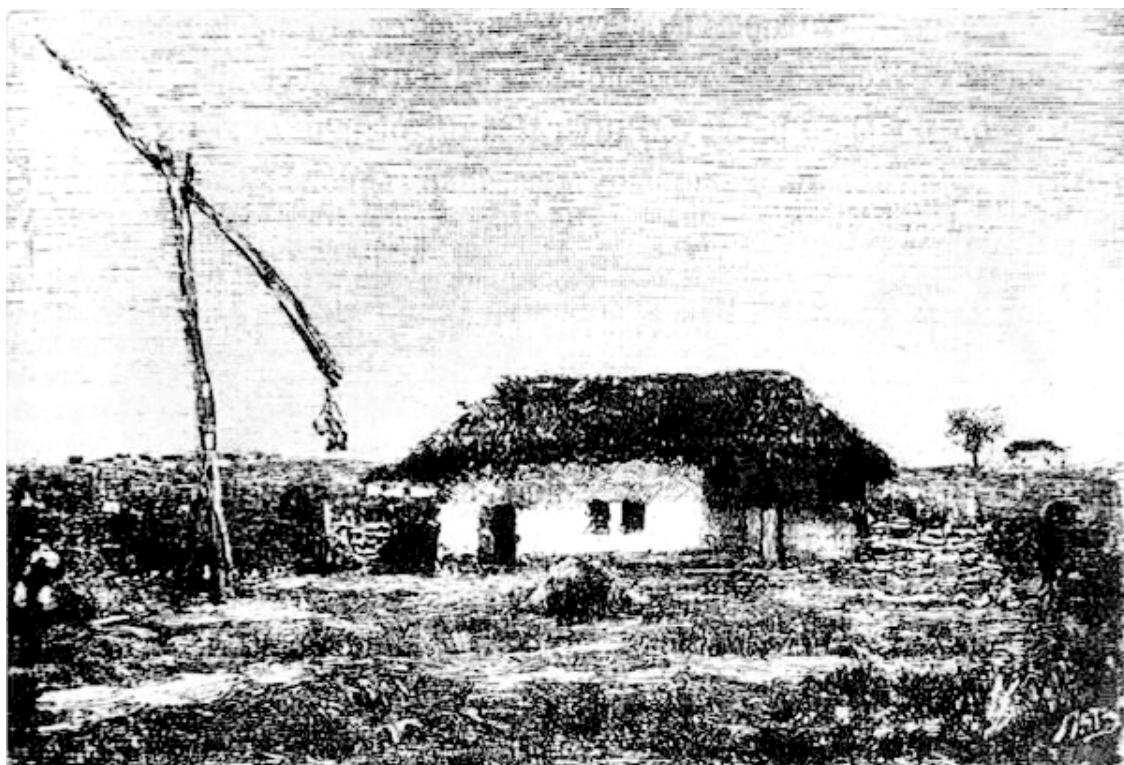
Дорогою мы обыкновенно или рассказывали что-либо друг другу, или Д. И. рассуждал с кучером Мишкою о худо подкованной пристяжной, о ненадежной вожже или шине у колеса и т. п.; чаще же всего спорил с ним, бранился, угрожал отправить его домой, а с переходом через границу даже и выпороть, так как «законы теперь уже другие», но угрозы эти так и оставались угрозами, что кучер Мишка очень хорошо знал. После, когда в отряд прибыл Михаил Скобелев, часто трудно было различить, о ком говорит, кого Д. И. зовет: Мишу сына или Мишу кучера.

Мы ехали часто довольно далеко впереди войск; на полпути, выбравши хорошее место для роздыха войск, останавливались, добывали пресного или кислого молока, если поблизости было какое жилье или поселение, и затем, с подходом офицеров, завтракали чем-нибудь холодным.

Я забыл упомянуть еще о трех постоянных членах нашего общества: капитане генерального штаба Сахарове, исправлявшем при отряде должность начальника штаба, очень остроумном человеке; штаб-ротмистре Дерфельдене, состоявшем при отряде, славной русской натуре, несмотря на немецкую фамилию; наконец, штаб-ротмистре гатчинских кирасир Лукашеве, исправлявшем должность адъютанта штаба, если не ошибаюсь.

При отряде была и артиллерия Донского войска, но командир батареи держался более отдельно, между своими офицерами. Командиры полков второй бригады так же, как и сам Вульферт, редко бывали с нами, потому что они шли сзади, на один переход, и являлись к Скобелеву, только когда догоняли нас на дневках.

Нечего и говорить, что завтраки наши на лугу, под деревьями или под навесом румынской хаты были очень оживлены и веселы; после отдыха сигнал выступления, и затем снова наша таратайка, а за нею и отряд двигались вперед.

Румынская хата

Мы останавливались иногда по дороге порасспросить и поболтать со встречным крестьянином или крестьянкою, причем сами немало смеялись нашим усилиям дать себя понять. «Вы не умеете, – говорил мне иногда Д. И., – дайте я объясню». И вправду, иногда добивался ответа. Раз мы свернули с дороги к румыну, пасшему стадо баранов, сначала обезумевшему от страха при виде генерала, но потом уверившемуся в наших мирных намерениях. Скобелев хотел купить барашка, *на племя*, как он выражался; отставивши руки недалеко одна от другой, он начал блеять тоненьким голоском: бя! бя! Крестьянин понял, продал барашка и долго улыбался нам вслед. Мы возили этого барашка в тарантасе, но он вел себя так дурно и так запакостил нас, что был сдан в обоз.

* * *

С приходом отряда в назначенное по маршруту место, в хате, занимаемой Скобелевым, готовился обед. Условие было такое, что сам Д. И. поставляет провизию и повара, Тутолмин вино, Сахаров, если не ошибаюсь, чай и сахар, а мне предложено было заботиться о сладком, т. е. изюме, миндале, орехах и т. д. Скобелев всегда сам приготавливал салат, причем от непрерывного пробования вся борода его покрывалась салатными листьями.

Для супа он посылал часто повара тихонько утащить молодых виноградных листочков из ближнего виноградника.

Случалось, однако, что обед почему-либо заставлял себя ждать, тогда мы старались убить время всяким вздором и шутками. Сочинялись стихи: «К повару», «К обеду», а затем и вообще приноровленные к обстоятельствам: к походу, к погоде и т. п. Вот, например, стихи, сочиненные на артельном начале; в них грехи четверых: самого генерала Скобелева, полковника Тутолмина, капитана Сахарова и штаб-ротмистра Дерфельдена:

Скобелев – Не стая воронов слетается,

Тутолмин – Чуя солнышка восход,
Сахаров – Генерал в поход собирается,
Дерфельден – И кричит: Давыд Орлов!

А вот мои вирши неоконченные, потому что Д. И. попросил прибавить что-нибудь о порядке и стройности в отряде, чем убил мое вдохновение, разумеется, к лучшему:

Шутки в воздухе несутся,
Песни громко раздаются,
Все кругом живет,
Все кругом живет.

Старый Скобелев, с полками.
Со донскими казаками,
В Турцию идет,
В Турцию идет.

Тут же тянутся кубанцы,
Осетины оборванцы;
Бравый все народ,
Бравый все народ.

Артиллерия тащится,
Может в деле пригодиться,
Как знать наперед.
Как знать наперед.

А в тылу у всех драбанты⁴,
Писаря и медиканты,
Словом, всякий сброд,
Словом, всякий сброд!

Предположение продолжить, как сказано, не состоялось. После обеда, перед чаем опять разговоры и шутки, а часто и песни, которым не брезговал подпевать басом и сам генерал. Песни очень любил Тутолмин; он так старательно вытягивал нотки, что иногда закрывал глаза от удовольствия, особенно когда пелась одна его любимая, солдатская, с припевом;

Будем жить, не тужить
И царя благодарить!

или

Будем жить, не тужить,
И я буду вас любить!

Спать ложились рано, так как вставать приходилось очень рано.

⁴ *Драбанты* – телохранители, вожатые, назначались во время сражений для охраны командующих частями войск.

* * *

На одной стоянке только что мы легли было спать, как раздались выстрелы и за ними общая тревога. Наскоро одеваясь, спрашиваю у Скобелева, что бы это могло быть? «Турки», – отвечает он. В несколько минут отряд был на ногах. Как назло, казак затерял уздечку моей лошади, и я поспел выехать позже всех. Темнота была хоть глаз выколи! Проехавши через какие-то канавы и буераки и едва не свалюсь с лошади, я добрался до построившегося уже отряда. Раздаются негромкие голоса: «Где артиллерия, артиллерию сюда! Кубанцы вправо!» Слышу, зовет генерал: «Василий Васильевич! Где В. В.?» Я присоединился к штабу.

Послали разъезд, и что же оказалось: какому-то жиду-маркитанту, остановившемуся здесь ночевать и в темноте порядочно струсившему, вздумалось придать себе бодрости несколькими выстрелами из револьвера. Казаки, особенно Орлов, просили позволения хорошенько отодрать плетками этого героя, не давшего всему отряду выспаться, но я заступился и предложил дать ему только по нагайке за каждый выстрел; это было принято, и жид получил только 3 нагайки, но, кажется, здоровые!

* * *

По большим деревням казаки располагались в домах, а в стороне от селений в палатках. Вообще войско держало себя прилично, хотя и не обходилось без жалоб: там казак стянул гуся, там зарезали и съели барана так ловко, что ни шкуры, ни костей нельзя было доискаться; бывали даже жалобы, хотя и редко, на то, что казак «бабу тронул».

Бабу тронул

Шли мы с большими предосторожностями, как бы в неприятельской стране, с разъездами по сторонам, которые назывались «глазами». Хотя некоторые из офицеров и подтрунивали над этими предосторожностями, но так как нельзя было поручиться, что какая-нибудь шальная партия черкесов, переправясь темной ночью через Дунай, не набедокурит, не напугает всю окрестность, то, может быть, предосторожности эти были нелишние. Хоть мы еще были далеко от Дуная, но жители кругом, ввиду постоянных слухов о переправе неприятеля, то там, то сям через Дунай, были в сильнейшей тревоге.

И офицеры, и казаки в отряде вели жизнь скромную; ни кутежей, ни сильной игры не было. Помнится мне только одна пирушка у Кухаренко, командира кубанского полка, что-то такое праздновавшего, не помню, что именно. Орлов явился с полудюжиною доброго донского, последнего, как он уверял; потом, однако, явилась еще полудюжина, уже окончательно последняя, и едва ли не отыскалась еще третья, уже совсем, совсем последняя.

Главным интересом празднества была давно возвещенная жеребятина, которою К. собирался нас угостить. Мне случалось в Туркестане есть лошадь, но жеребенка не едал.

Подали. «Гоооспода! – протянул К., порядочно заикавшийся, – п-о-ожалуйте ж-ж-жеребенка!» На блюде какие-то громадные котлеты, ребра с несколько синеватым мясом. Все попробовали: мне мясо понравилось, но большинству нет, кто ел мало, а кто и совсем оставил тарелку.

Подали второе блюдо. «Го-о-оспода, кто н-не желает ж-жеребятины, в-вот п-о-ожалуйте б-а-аранинки!» Принялись за баранину, послышались голоса С. и других: «Вот это другое дело, это мясо...» Когда все наелись, К. опять затынул: «Не в-в-в-зыщите, гггоспода, о-о-оба блюда ббыли жжжеребятина!...»

* * *

У меня не было ни лошади, ни повозки, и всем этим надобно было завестись. Решено было, что достанет мне это сотник В., командир одной из кубанских сотен, умеющий добывать все, всегда и везде. Генерал познакомил меня с ним. «Это можно», – отвечал тот, и на другой же день я получил рыжего коня, хотя с бельмом на одном глазу, но доброго, хорошо видевшего и одним глазом, а главное, недорогого, за 70 рублей, что по тогдашним ценам на лошадей было немного.

Позже, в Букареште, В. добыл мне и повозку с лошадей, за 400 франков, от русского поселенца, скопца. Для повозки Скобелев дал мне пешего донского казака Ивана, а для моих поездок молодого осетина Каитова.

Вскоре подъехал к нам молодой Скобелев. Перед ним прибыли его лошади. Одна, подаренная ему отцом, кровная английская выводная кобыла, уже довольно старая, была разбита на ноги; другая, белый жеребец персидской породы, была, при некоторых хороших статьях, чуть ли не уродом в общем. Третий конь – хивинский, золотистый туркмен, по-видимому, не из лучших туркменских лошадей.

О молодом генерале в отряде уже слышали, и меня, как его знакомого, часто спрашивали, что он за человек. Я всем отвечал, что он храбрый, хороший офицер.

Отношения отца и сына Скобелевых были дружественные, но мне казалось, что Д. Ичу не совсем приятен был Георгий 3-й степени М. Д-ча, в то время, как у самого у него был только 4-й. При этом отец, отчасти как бывший кавказец, относился иронически к военным заслугам Михаила Дмитриевича в Туркестане, войны которого он назвал *бараными*. Помню, что раз, за столом, мне пришлось крепко заступиться за молодого генерала, так что

старый даже надулся. Вообще М. Д. своими военными рассказами, так же как планами и предположениями для предстоявшей кампании, несколько нарушил ровный, патриархальный строй нашей походной жизни.

Помнится, молодой Скобелев строил такое множество планов перехода через Дунай и всех войск, и отдельных частей, предприятий для нападения врасплох на турецкие пикеты, батареи и проч. планов и предприятий, которые он постоянно, по секрету, сообщал то тому, то другому из старших офицеров отряда, что многих привел в совершенное недоумение. «Он какой-то шальной, – говорил мне С., – чуть не каждый час новый план; возьмет под руку – „знаете, что я вам скажу“ – и начнет, и начнет, да такую чушь!»

Как искренно любивший Скобелева, я посоветовал ему быть воздержанным и осторожным. Он очень интересовался знать, какое произвел впечатление в отряде, на что я и сказал ему, что его молодость, фигура, Георгиевские кресты и проч. бесспорно произвели известное обаяние, но он должен остерегаться разрушить его надоеданием всем со своими проектами, как бы они ни казались лично ему практичными и удобоисполнимыми. Михаил Дмитриевич горячо поблагодарил за это: «Это совет истинного друга», – сказал он мне.

* * *

Подойдя к Бухарешту, мы не вошли в самый город, согласно конвенции; к отряду выехал полковник Бобриков, бывший наш военный агент в Константинополе, вместе с несколькими румынскими офицерами, и обвели нас кругом, предместьями, в одном из которых, к стороне Дуная, мы разместились. В отряде очень недовольны были этим и находили условие не проходить городом унижительным, с чем, пожалуй, можно было и не согласиться.

Лишь только части расположились, как старику Скобелеву дали знать, что главнокомандующий проездом в Бухареште и остановился в доме консула Стюарта. Почтенный Д. И. так обрадовался этому, что как сидел на кровати, так и вскинул ноги кверху, совсем вертикально. Он поехал верхом со своим значком из голубого шелка с большим белым крестом, который шел по Румынии впереди отряда.

Я ездил по городу с М. Д. Скобелевым и, признаюсь, немного совестился его товарищества: встречным барыням, особенно хорошеньким, он показывал язык!

Скобелев скучал бездействием; видно было, что ему не хотели доверить отдельного командования, и он сильно горевал о том, что не остался в Туркестане, где теперь, по слухам, готовилась демонстрация против Англии; мысль о походе в Индию не давала ему покоя. «Дураки мы с вами вышли, что сюда приехали», – говорил он оставившему вместе с ним службу в Туркестане капитану Маслову, тоже крепко порывавшемуся назад. Я советовал М. Д. не торопиться сетованиями. «Будем ждать, В. В., – говорил он, – я умею ждать и свое возьму». Маслову я советовал связать свою судьбу с судьбою С., который, как и можно было быть уверенным, действительно сумеет занять свое место. Жаль только, что это случилось поздно, что его молодость так долго служила ему помехой и такому рысаку не было хода – исход кампании был бы другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.